

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

ОРАТОР

Аннотация

Сочинение «Оратор» — один из трех трактатов, которые были посвящены Цицероном ораторскому искусству, наряду с «Брутом» и «Об ораторе». Перед Вами памятник античного гуманизма, вершина античной теории словесности, который существенно повлиял на дальнейшую историю европейской культуры.

Древнеримский оратор и философ Марк Туллий Цицерон был выходцем из простой семьи, но смог стать знаменитым политическим деятелем, благодаря своему ораторскому таланту. Он играл ключевую роль в политической жизни Рима и всегда был самым рьяным сторонником Республики, что, в конечном счете, привело его к гибели. После себя он оставил достаточно большое литературное наследие, существенная часть которого сохранилась. Перед Вами одна из частей этого наследия.

Марк Туллий Цицерон

Оратор

Перевод и комментарии М. Л. Гаспарова.

Примечание переводчика

Из всех произведений Цицерона его сочинения об ораторском искусстве едва ли не более всего требуют в настоящее время нового научного издания. Причина этого — в состоянии рукописного предания этой группы сочинений Цицерона. Трактаты об ораторском искусстве дошли до нас в двух рукописных изводах — «неполном» и «полном». Там, где текст этих изводов совпадает, мы можем с достаточной уверенностью полагать, что он соответствует цицероновскому оригиналу. Но там, где он не совпадает, издатели не имеют никаких объективных оснований предпочесть вариант одного извода варианту другого, и им приходится оперировать доводами «от смысла», всегда оспоримыми. К счастью, расхождения такого рода обычно касаются несущественных мелочей и подчас даже не сказываются на переводе.

Происхождение двух изводов цицероновского текста таково. С падением античной культуры три трактата Цицерона теряют популярность. Если «Риторика к Гереннию» и юношеское Цицероново сочинение «О нахождении» усиленно переписываются как учебники риторики, то «Об ораторе» и «Оратор» выживают в едва ли не единственной рукописи со многими утраченными листами, а «Брут» забывается совсем (лишь случайно уцелел недавно найденный отрывок Кремонской рукописи «Брута» IX в.). Когда минует полоса «темных веков» раннего средневековья, и уцелевшие памятники античной литературы вновь начинают переписываться по европейским монастырям, эта дефектная рукопись трактатов «Об ораторе» и «Оратор» становится источником целого семейства списков; все они имеют общую черту — пропуски (порой очень большие, по половине книги и более) на тех местах, где в архетипе были потеряны листы. Это и есть «неполный извод»; архетип его давно погиб, но текст его отчасти поддается реконструкции по старейшим и лучшим спискам — «Авраншскому», «Гарлеянскому», «Эрлангенскому» (IX–X вв.) и др.

В XIV–начале XV в. эпоха Возрождения резко оживила интерес к риторическим трактатам Цицерона. Сохранившиеся рукописи «Об ораторе» и «Оратора» переписываются все чаще, и досада на их неполноту прорывается все сильнее. Дело доходит до того, что около 1420 г. миланский профессор Гаспарино Барцицца, лучший тогдашний специалист по цицероновской риторике, взялся за рискованный труд: собрался заполнить пробелы «неполного извода» собственными дополнениями для связности. Но не успел он закончить свою работу, как совершилось чудо: в глухом итальянском городке Лоди была найдена заброшенная рукопись с полным текстом всех риторических сочинений Цицерона — «старой риторики» («Риторики к Гереннию»), «новой риторики» («О нахождении»), «Об ораторе», «Брута» (до этого вовсе неизвестного) и «Оратора». Барцицца и его ученики набрасываются на новую находку, расшифровывают с трудом ее старинный (вероятно, VIII в.) шрифт и изготавливают, наконец, удобочитаемую копию. С этой копии снимаются списки, с них новые списки, и в своей совокупности они составляют «полный извод» цицероновского текста; во главе его стоят рукописи «Флорентийская Мальябекки», ватиканская «Оттобонианская» (единственная, включающая все три трактата подряд) и «Палатинская» — все три относятся к 1422–1425 гг. А между тем происходит непоправимое: архетип этого извода, Лодийская рукопись, оказывается заброшенной, никому не хочется биться над ее трудным текстом, ее отсылают за ненадобностью обратно в Лоди, и там она пропадает без вести: начиная с 1428 г. о ее судьбе ничего не известно. Европейские филологи не перестают оплакивать эту потерю до наших дней.

Рукописи множились, наряду со списками «неполного» и «полного» изводов появлялись списки смешанные, вносившие в один извод поправки по другому. С изобретением книгопечатания рукописи сменяются печатными изданиями: около 1465 г. в Субиакко выходит первое печатное издание трактата «Об ораторе», в 1469 г. в Риме выходит первое печатное издание всех трех трактатов вместе. В течение нескольких столетий основой для этих изданий брались рукописи «полного извода» как наиболее связные и удобные. Лишь в 1830-х годах швейцарский филолог Я. Орелли, работая над переизданием всех сочинений Цицерона, обратил внимание на то, что старые рукописи «неполного извода» часто дают более приемлемые чтения, чем рукописи «полного извода». С этих пор начинается постепенная реабилитация рукописей «неполного извода» во главе с Авраншской; постепенно устанавливается общепринятое чтение там, где текст двух изводов дает расхождения; но значительная часть разночтений до сих пор остается спорной.

Во всех научных изданиях сочинений Цицерона для облегчения ссылок принята двойная система сквозной рубрикации текста: по главам и по параграфам. В нашем издании номера глав отмечены полужирными числами внутри текста, номера параграфов — светлыми числами на полях. *(В электронной публикации номера параграфов обозначены числами в круглых скобках внутри текста. — Прим. О.)*

Любимовой.) В ссылках на трактат «Об ораторе» дается римская цифра, обозначающая книгу, и номер параграфа; в ссылках на «Брута» — буква Б и номер параграфа; в ссылках на «Оратора» — буква О и номер параграфа. Подзаголовки, напечатанные полужирным шрифтом в начале абзацев, Цицерону не принадлежат и введены в наше издание только для облегчения ориентировки читателя в сложном Цицероновском тексте.

В нижеследующих комментариях числа в начале каждого примечания указывают номер параграфа, к которому относится примечание.

Посвящение

(1) Что труднее и тяжелее: ответить отказом на твои частые просьбы все об одном и том же или выполнить то, чего ты просишь? — Вот о чем размышлял я, мой Брут, долго и много. Мне казалось поистине жестоким отказать тебе, кого я так сильно люблю и чью ответную любовь я чувствую, в твоей справедливой просьбе и достойном желании; но и посягать на такой предмет, с которым силы не могут совладать и которого даже мысль не может обнять, также, полагал я, не подобает тому, кто опасается суда людей разумных и сведущих.

(2) Ибо что может быть тяжелее, чем решить, каков лучший образ и как бы лучший облик речи,¹ когда славные ораторы так не похожи друг на друга? Уступая твоим частым просьбам, я приступаю к этому не столько в надежде на успех, сколько из желания предпринять попытку: потому что я предпочитаю, последовав твоей воле, обнаружить перед тобой недостаток разумения, нежели в противном случае — недостаток доброты.

Трудности темы

(3) Итак, ты все чаще меня спрашиваешь, какой род красноречия нравится мне больше всех и каким я представляю себе то красноречие, к которому ничего уже нельзя прибавить, которое я считаю высшим и совершеннейшим? Но тут я боюсь, что если я выполню то, чего ты хочешь, и обрисую такого оратора, какого ты ищешь, этим я ослаблю усилие многих, кто в бессилии отчаянья откажется посягать на то, чего не надеется достигнуть.

(4) Но по справедливости, на все должны посягать все те, в ком есть желание прийти к цели великой и достойной великих усилий. А у кого не хватит природных данных или² силы выдающегося дарования или кто будет недостаточно просвещен изучением великих наук, пусть и он идет по тому пути, по какому сможет, ибо если стремиться стать первым, то не позорно быть и вторым и третьим.

Ведь и среди поэтов есть место не одному Гомеру, если говорить о греках, и не одному Архилоху, или Софоклу, или Пиндару, но и вторым после них, и даже тем, кто ниже вторых.

(5) Так же и в философии величие Платона³ не помешало писать Аристотелю, и сам Аристотель своими поистине дивными знаниями и плодovitостью не угасил усердия остальных.

И не только эти блистательные мужи не были отвращены от своих высших исканий, но даже и мастера не оставили своих искусств оттого, что они не в состоянии подражать красоте Ялиса, которого мы видели на Родосе, или Венеры Косской; ни изваяние Юпитера Олимпийского, ни статуя Дорифора не отпугнули остальных скульпторов, и они по-прежнему отлично знали, что им делать и куда идти; а было их так много, и

¹ Лучший образ и как бы лучший облик речи — *optima species et quasi figura dicendi*. Словом *species* Цицерон здесь и далее обычно передает платоновское понятие «идея» (10). В параграфе 19 и 133 в том же значении употреблено слово *forma*; в параграфах 10, 43, 101 синонимы *species* и *forma* стоят рядом и получают, как и здесь, значение «образ и облик».

² Слова природных данных или Зауппе считал интерполяцией, затемняющей основное противопоставление «дарования» и «науки»; Мадвиг, устраняя слово или, понимал текст так: «а у кого или от природы не хватит силы выдающегося дарования...». Кроль считает возможным сохранить рукописный текст, понимая под «природой» (*natura*) физические данные, а под «дарованием» (*ingenium*) — духовные данные. Гомер, Архилох, Софокл, Пиндар перечислены как признанные образцы непревзойденного мастерства в своих жанрах: эпосе, ямбе, трагедии и лирике.

³ Широта Платона — может быть, с оттенком игры слов: имя «Платон» значит «Широкий» (от греч. *πλατύς*) и было дано философу за его мудрость. Ялис — герой-эпоним города Ялиса на Родосе; его изображение было написано художником Протогеном (вторая половина IV в. до н. э.), который работал над ним семь лет; эта картина приводила в восторг не только знаменитого Апеллеса, но и полководца Деметрия Полиоркета, который ради нее отказался от мысли разрушить город Родос. Венера Косская — знаменитая картина Апеллеса «Афродита, выходящая из волн» (Анадиомена) в храме Асклепия на острове Кос; как Ялис представлял собой идеал мужской красоты, так эта картина — женской. Точно так же статуя Зевса в Олимпии (работы Фидия) считалась совершеннейшим изваянием божества, а статуя Дорифора, «копыеносца» (работы Поликлета) — совершеннейшим изваянием человека (как известно, «Дорифор» считался каноном пропорций мужского тела).

каждый в своем роде стяжал такую славу, что, восхищаясь высшим, мы не можем не ценить и второстепенное.

(6) Также и среди ораторов — по крайней мере, греческих, — есть один, который дивно высится над всеми; тем не менее, и рядом с Демосфеном было много великих и славных ораторов; были они и до него, да и после него не исчезли. Поэтому тем, кто посвятил себя изучению красноречия, незачем терять надежду или ослаблять усердие: даже в достижимости совершенства не следует отчаиваться, а в высоких предметах прекрасно и то, что лишь приближается к совершенству.

Идеальный характер рисуемого образа оратора

(7) Впрочем, создавая образ совершенного оратора, я обрисую его таким, каким, быть может, никто и не был. Ведь я не доискиваюсь, кто это был, а исследую, каково должно быть то непревзойденное совершенство, которое редко или даже никогда не встречалось мне в речи выдержанным с начала до конца, но то и дело просвечивало то тут, то там, у иных чаще, у иных, быть может, реже, но везде одно и то же.

(8) Однако я утверждаю, что и ни в каком другом роде нет ничего столь прекрасного, что не уступало бы той высшей красоте, подобием которой является всякая иная, как слепок⁴ является подобием лица. Ее невозможно уловить зрением, слухом или иным чувством, и мы постигаем ее лишь размышлением и разумом. Так, мы можем представить себе изваяния прекраснее Фидиевых, хотя не видели в этом роде ничего совершеннее, и картины прекраснее тех, какие я называл.

(9) Так и сам художник⁵, изображая Юпитера или Минерву, не видел никого, чей облик он мог бы воспроизвести, но в уме у него обретался некий высший образ красоты, и, созерцая его неотрывно, он устремлял искусство рук своих по его подобию.

И вот, так же как в скульптуре и живописи есть нечто превосходное и совершенное, мыслимому образу которого подражает то, что предстает нашим очам, так и образ совершенного красноречия мы постигаем душой, а его отображение ловим слухом.

(10) Платон, этот достойнейший основоположник и наставник в искусстве речи, как и в искусстве мысли, называет такие образы предметов идеями и говорит, что они не возникают, но вечно существуют в мысли и разуме⁶, между тем как все остальное рождается, гибнет, течет, исчезает и не удерживается сколько-нибудь долго в одном и том же состоянии. Поэтому, о чем бы мы ни рассуждали разумно и последовательно, мы должны возвести свой предмет к его предельному образу и облику.

Оратор должен обладать философским образованием

(11) Но я вижу, что это мое вступление исходит не из рассуждений об ораторском искусстве, но почерпнуто из самых недр философии, да к тому же древней и несколько темной. Это вызовет, быть может, порицание и во всяком случае — удивление⁷. Читатели будут или удивляться, какое отношение имеет все это к нашему предмету (но когда они разберутся в самом предмете, то убедятся, что недаром я начал речь издали), или порицать, что мы ищем нехоженых путей и покидаем торные.

(12) Я и сам понимаю, как часто кажется, что я говорю нечто новое, когда я лишь повторяю весьма старое, но многим незнакомое; и все же я заявляю, что меня сделали оратором — если я действительно оратор, хотя бы в малой степени, — не риторские школы, но просторы Академии⁸. Вот истинное поприще

⁴ Слепок с лица умершего — образ, особенно близкий римскому читателю: в римских знатных домах такие восковые маски предков хранились как предметы культа.

⁵ Художник — имеется в виду тот же Фидий с его статуями Зевса в Олимпии и Афины-девы в афинском Парфеноне.

⁶ Платон говорит («Пир», 211, а): мыслитель увидит, «что прекрасное существует вечно, что оно ни возникает, ни уничтожается, ни увеличивается, ни убывает... Прекрасное предстанет перед ним само в себе, будучи единообразным с собою, тогда как все остальные прекрасные предметы имеют в нем участие таким, примерно, образом, что они возникают и уничтожаются, оно же, прекрасное, напротив, не становится ни большим, ни меньшим, и ни в чем не испытывая страданий» (пер. С. А. Жебелева).

⁷ Цицерон приступает к новой теме, отвечая на возможные упреки — сперва в новизне (что легче), потом в неуместности. Древним названо учение Платона об идеях, которое почти не разрабатывалось наследниками Платона — средней Академией Аркесилая и новой Академией Филона.

⁸ Просторы Академии — аллеи в священном саду героя Академа близ Афин, где Платон, прогуливаясь, беседовал со своими учениками; противоположность тесным помещениям риторских школ.

для многообразных и различных речей: недаром первый след на нем проложил Платон. Как он, так и другие философы в своих рассуждениях бранят оратора и в то же время приносят ему великую пользу. Ведь от них исходит, можно сказать, все обилие сырого материала для красноречия; но этот материал недостаточно обработан для процессов на форуме, так как философы, по их обычному выражению, предоставляют это более грубым музам⁹.

(13) Такое презрение и пренебрежение философов к судебному красноречию лишило его многих важных средств; зато, блистая украшениями слов и фраз, оно имело успех у народа и не боялось сурового суда немногих. Вот как оказалось, что людям ученым недостает красноречия, доступного народу, а людям красноречивым — высокой науки.

(14) Так заявим же с самого начала то, что станет понятнее потом: без философии не может явиться такой оратор, какого мы ищем; правда, не все в ней заключено, однако польза от нее не меньше, чем польза актеру от палестры (ведь и малое нередко можно отлично сравнить с великим). Действительно, о важнейших и разнообразнейших предметах никто не может говорить подробно и пространно, не зная философии.

(15) Так, и в «Федре» Платона Сократ говорит, что даже Перикл превосходил остальных ораторов оттого, что учителем его был физик Анаксагор: от него-то, по мнению Сократа, и усвоил он много прекрасного и славного, в том числе — обилие и богатство речи и умение известными средствами слога возбуждать любые душевные движения, а это главное в красноречии. То же самое надо сказать и о Демосфене, из писем которого можно понять, каким усердным был он слушателем Платона¹⁰.

(16) Далее, без философского образования мы не можем ни различить род и вид какого бы то ни было предмета, ни раскрыть его в определении, ни разделить на части, ни отличить в нем истинное от ложного, ни вывести следствия, ни заметить противоречия, ни разъяснить двусмысленное. А что сказать о природе вещей, познание которой доставляет столь обильный материал для оратора? И можно ли что-нибудь сказать или понять относительно жизни, обязанностей, добродетели, нравов, не изучив эти предметы сами по себе?¹¹

(17) Все эти столь важные мысли должны обрести несчетные украшения: этому одному и учили в наше время те, кого считали учителями красноречия. Оттого никто и не обладает истинным и совершенным красноречием, что наука о вещах существует сама по себе, наука о речах — сама по себе, и люди у одних наставников учатся мыслить, у других говорить.

(18) Так и Марк Антоний, которого поколение наших отцов признавало едва ли не первым в красноречии, муж от природы проницательный и здравомыслящий, в единственной оставленной им книге¹² заявляет, что видывал много людей речистых, но ни одного красноречивого. Из этого видно, что у него в душе обретался некий образ красноречия, который он постигал воображением, но в действительности не видел. Итак, даже этот человек самого тонкого ума, требуя многого от себя и от других, не видел решительно никого, кто по праву мог бы называться красноречивым;

(19) и раз уж он не считал красноречивым ни себя, ни Красса, то, конечно, он заключал в душе такой образец красноречия, который решительно обнимал все, и поэтому не мог подойти к тем, кому чего-то (а иной раз и очень многого) недоставало.

Отыщем же, Брут, если это возможно, того оратора, которого никогда не видел Антоний и который, лучше сказать, вовсе никогда не существовал. Если мы и не сумеем воспроизвести и изобразить его, — тот же Антоний говорил, что это вряд ли удалось бы и богу, — то, может быть, мы сможем сказать, каким он должен быть.

Оратор должен владеть всеми тремя стилями речи

(20) Речь бывает трех родов: иные отличались в каком-нибудь отдельном роде, но очень мало кто во всех трех одинаково, как мы того ищем. Были ораторы, так сказать, велеречивые, обладавшие одинаково

⁹ Более грубым музам — т. е. практической мудрости, в противоположность умозрительной; выражение платоновское, «Федр».

¹⁰ Платон, «Федр», 269, е: «Все так называемые великие искусства требуют сверх всего «высокопарной болтовни» о природе, ибо это, по-видимому, и дает высокий полет мыслям и, во всяком случае, способно достигать цели. Вот и Перикл приобрел все это в придачу к тому, что он был даровит от природы. Сблизившись, думаю я, с таким человеком, как Анаксагор, насытившись учением о возвышенных предметах и постигнув природу разума и размышления, о чем Анаксагор много говорил, Перикл и извлек из всего этого пригодное для искусства речи» (пер. С. А. Жебелева).

¹¹ Речь идет сперва о диалектике (логике), потом о физике, потом об этике — т. е. все три раздела философии идут на пользу оратору. И можно ли что-нибудь — в рукописи лакуна, перевод по дополнению Л. Аве.

¹² О книге и сентенции Антония.

величавой важностью мыслей и великолепием слов, сильные, разнообразные, обильные, важные, способные и готовые волновать и увлекать души, причем одни достигали этого речью резкой, суровой, грубой, незавершенной и не закругленной, а другие — гладкой, стройной и законченной. Были, напротив, ораторы сухие, изысканные, способные все преподать ясно и без пространности, речью меткой, отточенной и сжатой; речь этого рода у некоторых была искусна, но не обработана и намеренно уподоблялась ими речи грубой и неумелой, а у других при той же скудости достигала благозвучия и изящества и бывала даже цветистой и умеренно пышной.¹³

(21) Но есть также расположенный между ними средний и как бы умеренный род речи, не обладающий ни изысканностью вторых, ни бурливостью первых, смежный с обоими, чуждый крайностей обоих, входящий в состав и того и другого, а лучше сказать, ни того, ни другого; слог такого рода, как говорится, течет единым потоком, ничем не проявляясь, кроме легкости и равномерности: разве что вплетет, как венок, несколько бутонов, приукрашивая речь скромным убранством слов и мыслей.

(22) Те из ораторов, кто выказал силу в каждом из этих родов по отдельности, стяжали себе славное имя; но еще надо расследовать, достаточно ли в них выражено то, чего мы ищем. В самом деле, мы видим, что были и такие, которые умели владеть как речью пышной и важной, так и речью гибкой и тонкой. О если бы мы могли найти подобие такого человека среди латинских ораторов! Как было бы превосходно, если бы нас удовлетворило свое и не надо было бы искать чужого!

(23) Я и сам воздал немалую хвалу римлянам в своем «Бруте» как из любви к своим, так и из желания ободрить других; но я помню, что намного выше всех я поставил Демосфена и что только его сила ближе соответствует тому красноречию, о котором я мечтаю, а не тому, какое мне знакомо по другим ораторам. Никто не превзошел его ни в важности, ни в изяществе, ни в умеренности. А тем, чье у нас распространилось невежественное учение и кто желает именоваться аттиками или даже говорить по-аттически, не мешает указать, чтобы они подивились на этого мужа, который, по-моему, был аттичнее самих Афин, и чтобы они поучились у него, что такое аттичность, и взяли бы за образец красноречия его мощь, а не свое бессилие.

(24) Ведь у нас теперь каждый хвалит только то,¹⁴ чему сам способен подражать. Однако для тех, кто увлечен лучшими стремлениями, но слишком слаб в суждениях, я считаю не лишним объяснить, чем на самом деле заслужили аттики свою славу.

Красноречие ораторов всегда руководилось вкусом слушателей. Всякий, кто хочет иметь успех, следит за их желаниями и в согласии с ними слагает свою речь целиком применительно к их суждениям и взглядам.

(25) Так, Кария, Фригия и Мизия, наименее образованные и наименее разборчивые, усвоили приятный их слуху надутый и как бы ожирелый¹⁵ род красноречия, которого никогда не одобряли даже их соседи родосцы, отделенные от них лишь узким проливом, не говоря уже о греках. Афиняне же его решительно отвергали. Всегда обладая разумным и здравым суждением, они умеют слушать только неиспорченное и изящное; и оратор, повинувшись их чувству, не смел вставить в речь ни единого необычного или неприятного слова.

(26) Так и тот, о ком мы сказали, что он превосходит всех остальных, в своей решительно лучшей речи за Ктесифонта, начав униженно, в рассуждении о законах стал говорить все более веско, постепенно воспламеняя судей, а когда увидел, что они уже разделяют его пыл, то в остальной части речи смело несся во весь опор. Но все же, хоть он и тщательно взвешивал каждое слово, Эсхин упрекал его за многие выражения,¹⁶ понося их и насмешливо называя грубыми, противными, несносными; он даже обозвал его диким зверем и спросил, слова ли это или чудовища? Таким образом, Эсхину даже речь Демосфена не

¹³ Велеречивые — *grandiloquus*, для Цицерона — архаизм.

Увлекать (*permoveere*) и преподать (*docere*) — отмечаются две из трех задач речи как признаки высокого и простого стиля.

Понятия резкий (*asper*), суровый (*tristis*), грубый (*horridus*), гладкий (*levis*) относятся к словам и их сочетаниям; завершенный (*perfectus*) и стройный (*structus*) — к построению периодов; закругленный (*conclusus*) и законченный (*terminatus*) — к ритму окончаний.

Эпитеты нарядный (*ornate*) и простой (*subtiliter*) относятся к форме, важный (*graviter*) и гибкий (*versute*) — к содержанию речи.

¹⁴ Каждый хвалит только то — та же мысль в «Тускуланских беседах», II, 3.

¹⁵ Ожирелый (*adipatus*) в противоположность здоровой силе аттической речи.

¹⁶ Имеется в виду знаменитая речь Демосфена «О венке», произнесенная в 330 г. Афинянин Ктесифонт в 338 г. предложил в собрании увенчать Демосфена золотым венком за его заслуги перед государством; восемь лет спустя он был привлечен за это предложение к суду Эсхином; Демосфен в своей речи красноречиво защищал и Ктесифонта и себя. И обвинительная речь Эсхина и защитительная Демосфена считались непревзойденными образцами красноречия. Упреки Эсхина — в § 166 его речи («разве вы не помните его слова, гнусные и невероятные? как только могли их выдержать железные ваши уши?.. Молви, животное, что это такое — слова или чудовища?»).

казалась аттической.

(27) Конечно, легко выхватить какое-нибудь слово, так сказать, с самого пылу, а потом высмеивать его, когда огонь в душе у каждого погаснет; и Демосфен шутливо оправдывался, заявляя, что не от того зависят судьбы Греции, в какую сторону он простер руку или какое слово употребил. Но если даже Демосфена порицали афиняне за неестественность, как могли бы они слушать мизийца или фрагийца? В самом деле, если бы он начал петь, играя голосом и зазывая на азиатский лад, кто бы стал его слушать? Или, лучше сказать, кто бы не приказал ему убираться?¹⁷

Нельзя замыкаться в одном стиле

(28) Таким образом, только о тех, кто сообразуется с чуткостью и строгостью аттического слуха, можно сказать, что они говорят по-аттически. Есть много родов такой речи, но наши ораторы замечают лишь один. Если кто говорит неровно и небрежно, лишь бы получалось четко и ясно, — только такую речь и признают аттической. Правильно, что аттической; неправильно, что только такую.

(29) Если, по их мнению, только в этом и заключается аттичность, то по-аттически не говорил и сам Перикл, без спору считавшийся первым оратором: будь он приверженцем простого красноречия, никогда бы не сказал поэт Аристофан¹⁸, будто он гремит громом и мечет молнии, приводя в смятение всю Грецию. Пусть говорит по-аттически Лисий, чей слог столь приятен и отделан (кто с этим спорит?); но надо понимать, что аттичность Лисия состоит не в простоте и неприкрашенности, но в отсутствии необычного и неуместного. Или пышная, важная и обильная речь также может быть аттической, — или ни Эсхина, ни Демосфена нельзя считать аттиками.

(30) Но иные объявляют себя даже последователями Фукидида! Вот некий новый и неслыханный род красноречия, сразу изобличающий невежество изобретателей. Ведь те, кто подражают Лисию, подражают, по крайней мере, речи судебного оратора: пусть в ней нет пространности и величия, но в ней есть точность и изящество, и с нею можно успешно выступить на форуме перед судьями. А Фукидид повествует о подвигах, войнах и битвах, в его рассказе есть достоинство и важность, но для речи перед судом или перед народом оттуда нечего заимствовать. Даже в его знаменитых речах столько темных и неясных выражений, что их с трудом понимаешь, а в политической речи это едва ли не самый тяжкий недостаток.

(31) Что за странная извращенность в людях: владея хлебом, поедать желуди?¹⁹ Или афиняне, научив людей земледелию, не научили их заодно и красноречию? Наконец, кто из греческих риторов когда-нибудь что-нибудь почерпнул из Фукидида? — «Но все его хвалят!» — Согласен, но хвалят его за разумное, правдивое и серьезное объяснение событий: не за то, что он ведет процесс в суде, а за то, что он ведет повествование о войнах в своей истории.

(32) Поэтому он никогда и не считался оратором, и если бы он не написал историю, имя его неминуемо забылось бы, хоть он и был человек видный и знатный. Но и у него никто не вдохновляется важностью слов и мыслей: напротив, все, кто говорит обрывисто и бессвязно, для чего и образца-то никакого не требуется, мнят себя чистокровными Фукидидами. Я встречал даже такого, который стремился уподобиться Ксенофону, чья речь, действительно, сладостнее меда, но вовсе чужда шуму форума.²⁰

¹⁷ Ответ Демосфена — в § 232 его речи. Текст рукописей «Оратора» здесь испорчен и восстанавливается по позднейшим реминисценциям у Амвросия, in Luc, II, 42 и у Августина, in Crescon., II, 1, 2.

Убираться — в афинском народном собрании ораторов, заведомо провалившихся, выводили полицейские-лучники по приказу пританов (президиума собрания).

¹⁸ Аристофан — «Ахарняне», 350–351:

Перикл, наш олимпиец, в гневе яростном
Взгремел, взблестал, вверх дном взметнул всю Грецию...

Сперва Цицерон ошибочно приписал эти стихи Евполиду, другому комедиографу того же времени; Атик, которому он поручил издание «Оратора», обратил на это его внимание, и Цицерон отвечал ему: «Значит, твои дела еще позволяют тебе уделять время и на чтение «Оратора»? Хвала доблести! Но я этому рад и еще больше буду рад, если ты не только в твоих книгах, но и во всех остальных прикажешь переписчикам заменить имя Евполида именем Аристофана» («К Атику», XII, 6, 2).

¹⁹ Владея хлебом, поедать желуди — пословица: по преданию, древнейшие люди на земле питались желудями, пока богиня Деметра не научила афинян (в Элевсине) возделывать хлеб и афинский царь Триптолем не разнес это искусство по всей земле; отсюда ирония следующей фразы.

²⁰ Фукидид принадлежал к знатному роду, был политическим деятелем и полководцем и лишь потом, оказавшись в изгнании, стал писать историю.

Переход к теме: новое посвящение

(33) Итак, вернемся к тому оратору, которого мы хотим обрисовать, вооружив его тем самым красноречием, какого ни в ком не знал Антоний. Поистине, Брут, на великое и трудное дело мы посягаем; но для человека любящего, по-моему, нет ничего трудного. А я люблю и всегда любил твои дарования, твои стремления, твой нрав. С каждым днем все более меня мучит тоска о наших встречах, о привычной жизни, о твоих ученых беседах, которые мне так хотелось бы услышать, и чувства мои все более возбуждаются дивной славой твоих замечательных добродетелей, которые столь разнообразны, но все объемлются твоим высоким духом.

(34) Что может быть противоположнее, чем строгость и мягкость? Но кто когда-нибудь слыл более справедливым и более любезным? Что может быть труднее, чем решать распри многих лиц и сохранить привязанность каждого? А ты это делаешь так, что даже тот, против кого ты выносишь решение, уходит спокойный и довольный. Ты ничего не делаешь, чтобы угодить кому-нибудь одному, но всеми твоими действиями ты угождаешь всем. Вот почему на всей земле одна лишь Галлия²¹ не пылает общим пожаром: здесь показываешь ты себя на виду у всей Италии, и тебя окружает цвет и сила ее лучших граждан.

А как замечательно, что среди самых важных дел ты никогда не забываешь научных занятий и постоянно или пишешь сам,²² или побуждаешь меня что-нибудь написать!

(35) И вот, я принимаюсь за это сочинение, только что окончив «Катона» — книгу, за которую я никогда бы не взялся, зная, как враждебно наше время добродетели, если бы не почитал грехом ослушаться, когда ты просил меня, оживляя дорогое воспоминание о нем, — но заверяю, что решаюсь писать об этом только по твоей просьбе и против моей воли. Я хочу, чтобы мы разделили вину, если я не справлюсь с таким предметом: ты — за то, что возложил на меня это бремя, я — за то, что принял его; посвятив мое сочинение тебе, я искуплю этой заслугой погрешности моих суждений.

Напоминание о трудностях

(36) Самое трудное во всяком деле — это выразить, что представляет собою тот образ лучшего, который у греков называется *χαρακτήρ*²³, ибо один считает лучшим одно, другой другое. Я люблю Энния, говорит один, потому что Энний не отходит от обычного словоупотребления; а я Пакувия, говорит другой, у него все стихи пышны и отделаны, Энний же во многом небрежен; третий, допустим, любит Акция²⁴; так все по-разному судят о латинских писателях, как и о греческих, и нелегко выяснить, что же будет всего превосходнее. Так же и в картинах одни любят резкое, грубое, темное, а другие блестящее, радостное и светлое. Что же можно взять как некоторый образец или устав²⁵, если каждая вещь замечательна в своем роде, а родов так много? Но такое сомнение не остановило меня в моей попытке: я рассудил, что во всех предметах есть нечто самое лучшее, и если даже оно скрыто, человек сведущий может в него проникнуть.

Ограничение темы судебным красноречием

Сладостнее меда — намек на то, что Ксенофонт был прозван «аттической пчелой» за чистоту языка.

²¹ Цизальпинская Галлия только что (в 49 г.) получила от Цезаря римское гражданство, и пост ее наместника был ответственным и почетным. Столь же похвально говорит о наместничестве Брута Плутарх, «Брут», 6: «В противоположность другим правителям, надменным и корыстолюбивым, грабившим вверенные им провинции как завоеванные страны, Брут явился для подвластного ему населения истинным утешением и успокоением...» (пер. В. Петуховой). Панигирическая преувеличенность таких отзывов очевидна.

²² Пишешь сам — действительно, уже в начале 45 г. Брут присылает Цицерону свое сочинение «О добродетели» (Цицерон, «О пределах добра и зла», I, 8).

²³ *χαρακτήρ*, собств. «чекан», «тип»; здесь опять в значении платоновской идеи.

²⁴ Сопоставление Энния, Пакувия и Акция принадлежит к числу излюбленных в древности оценочных сравнений. Так как все три поэта, о которых идет речь, сохранились лишь в отрывках, судить о справедливости этих оценок трудно; в частности, высокий слог Энния мог казаться «обычным словоупотреблением» разве что в сравнении с Пакувием.

²⁵ Образец или устав — *praescriptum aut formulam*, юридические термины, обозначающие преторскую инструкцию по ведению того или иного процесса.